

УДК 398'54
DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Энтомологические образы в мировоззрении бурят

А. А. Бадмаев

*Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Работа посвящена выявлению комплекса традиционных воззрений бурят, связанных с насекомыми. В народной зооклассификации они выделялись в отдельный класс, основными признаками которого были небольшие размеры и проворность. Данный класс делился на отдельные группы: «крылатые насекомые»; «черви-жуки»; «общественные насекомые» и др. Сфера обитания как критерий вычленения бурятами классов животного мира в случае с насекомыми не играла особой роли. Общую положительную характеристику имели муравей и пчела, а негативную – овод, комар, оса, моль, мотыль, клоп, вошь и блоха. Выяснено, что насекомые уподоблялись иным животным (крупному рогатому скоту, птицам и др.). С крылатыми насекомыми (пчелой и осой) была связана идея о душе. Часть насекомых считалась носителями плодородия (муравей, пчела); с некоторыми была сопряжена идея оборотничества. Но в целом насекомые слабо представлены в мифоритуальных комплексах бурят. Выявлено, что ряд их представлений о насекомых схож с мифологическими воззрениями других народов.

Ключевые слова

буряты, традиционное мировоззрение, шаманизм, буддизм, насекомые, фольклор

Благодарности

Исследование проведено при поддержке проекта НИР «Символ и знак в культуре народов Сибири: XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения»

Для цитирования

Бадмаев А. А. Энтомологические образы в мировоззрении бурят // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография. С. 110–118. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Entomological Images in the Worldview of the Buryats

A. A. Badmaev

*Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

Purpose. The aim of this study is to identify a set of traditional views of the Buryats associated with insects.

Results. In the popular zoological classification of the Buryats, the insects were distinguished as a separate class due to their small size. Another sign of this class was the characteristic of insects being nimble. Insects were divided into such groups as “winged insects”, “worms and beetles”, “social insects” and others. Images of insects that live in the sky, water and on earth were not always determined by their habitat. According to the Buryat views, there was a group of chthonic creatures, such as midges, flies, lice, fleas and beetles. At the same time, there existed a popular belief that insects appeared as falling from the sky. By contrast with other classes of animals, insects in Buryats beliefs were not personified in a single spirit as the patron of insects. Images of representatives of the order of Lepidoptera, such as butterflies and moths, are rarely present in the traditional worldview of the Buryats. According to their views, in addition to the presence of wings, the most important feature of many Diptera insects is their ability to produce monotonous sounds while flying – buzz, and this quality is reflected in the Buryat vocabulary. The Buryats believed that certain insects had unique features. For instance, the bee had a feminine essence. It is worth noting that the bee was

© А. А. Бадмаев, 2020

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2020. Т. 19, № 3: Археология и этнография
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography

included into a limited group of animals, together with a swallow and an ant, whose presence in the Buryat dwelling was considered favorable for the life of the family. According to the Buryats' mythological views, only ants had a hierarchy in their groups.

Conclusion. Our analysis has shown that insects were not very important creatures in the Buryats' beliefs. However, some insects had distinct characteristics. The ant and the bee were considered to be positive, while the gadfly, mosquito, wasp, moth, bug, louse and flea negative. It should also be noted that the chthonic origin of the ant did not determine its final connotation. The Buryats often compared insects to other animal species. The material considered shows that they associated a soul with opposite images of bees and wasps. Some insects were connected with the idea of lycanthropy and the symbolism of fertility, such as the ant and the bee. Unlike other classes of animals, insects were vaguely represented in the myth-ritual practices of the Buryats. Some Buryat views on insects find parallels with the mythological judgments of other peoples, such as the Mongols, Slavic tribes, etc., which is explained by the universal character of the images, typological coincidences and intercultural contacts (primarily with the Mongols).

Keywords

The Buryats, traditional worldview, shamanism, Buddhism, insects, folklore

Acknowledgments

The study was supported by the research project "Symbol and Sign in the Culture of the Peoples of Siberia: 17th – 21st Centuries: Actualization and Conservation Strategies"

For citation

Badmaev A. A. Entomological Images in the Worldview of the Buryats. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2020, vol. 19, no. 3: Archaeology and Ethnography, p. 110–118. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-3-110-118

Введение

В мифологическом сознании разных народов образы насекомых распространялись на представления о космосе, природных явлениях, демонологии, болезнях; они проникали в обрядность, язык и т. д. Например, у славян пчелы ассоциировались со звездами, бабочки и божьи коровки – с небом; по их представлениям, кусающие насекомые и домашние паразиты имели демоническую природу, служили источниками болезней [Гура, 1997]. Изучение образов насекомых позволяет расширить знания о традиционном мировоззрении, являющемся одной из основных этнических характеристик любого народа.

В мифолого-религиозных представлениях бурят важное место занимали образы животных. Среди зооморфных персонажей выделялись насекомые – беспозвоночные членистоногие животные, являющиеся самым многочисленным зоологическим классом. Актуальность изучения воззрений о насекомых диктуется включением их образов в ряд сфер традиционной культуры. Поскольку энтомологические образы в этнографии бурят еще не становились объектом специальных изысканий, целью данного исследования является выявление комплекса традиционных воззрений бурят, связанных с насекомыми.

Источниками для работы послужили литературные данные (этнографические и лингвистические труды, фольклорные произведения) и полевые материалы автора. Отдельно следует выделить этнографические труды М. Н. Хангалова, опирающиеся на полевые сборы конца XIX в. и посвященные верованиям и обрядности у разных территориальных групп предбайкальских бурят [1958]. Основным лингвистическим источником стал бурятско-русский словарь «Буряад-оруд толи» [2010], в котором приводятся диалектные названия насекомых, а также различные пословицы и фразеологизмы, посвященные им. Интересными представляются сведения о бурятских антропонимах, собранные А. Г. Митрошкиной [1987]. В работе использованы также бурятские фольклорные произведения разных жанров (эпика, сказки, пословицы, загадки, поверья и т. п.), собранные и опубликованные авторами конца XIX – XX в.: Ш. Л. Базаровым [1902], Е. В. Баранниковой, С. С. Бардахановой, В. Ш. Гунгаровым [Бурятские волшебные сказки, 1993], Н. С. Болдоновым [1949], Ц. Ж. Жамцарано [2001], Г. Н. Потаниным [1883], М. Н. Хангаловым [1958; 1959; 1960], М. П. Хомоновым [Айдурай мэргэн, 1979] и др. Определенный интерес представляют полевые материалы автора, собранные в 2018 г. в Селенгинском районе Республики Бурятия.

В исследовании используется структурно-семиотический метод, согласно которому устанавливаются символы, сопряженные с насекомыми. Теоретическую базу работы составляют труды таких отечественных исследователей, как А. В. Гура [1997] и И. Ю. Винокурова [2007].

Общая характеристика

Насекомые (*хорхой шабхай*) выделялись в отдельный класс прежде всего из-за своих небольших размеров. В народной зооклассификации бурят они обозначаются еще одним термином – *шумуул*, являющимся однокоренным слову *шумууһан* ‘быстрый, проворный’ [Буряад-ород толи..., 2010. С. 622]. Это указывает на один из важных признаков представителей данного класса – проворность.

Насекомые подразделялись на группы: *далита шумуулнууд* (‘крылатые насекомые’); *хорхой сохонууд* (‘черви-жуки’); *олоороо байрлалаг шумуулнууд* (‘общественные насекомые’). Понятна достаточная условность такого деления, учитывая, что некоторые насекомые в течение жизни могут быть отнесены к разным группам и даже классам народной зооклассификации. Например, личинка мясной мухи воспринималась как змееобразное, а взрослая особь – как крылатое насекомое. При этом буряты нередко были знакомы с жизненным циклом таких животных, на что указывает следующая пословица: *Ниидэхэ юумэнһээ мулхихэ юумэн турэбэ* «Родилась ползonoгая от летающей» (гусеница от бабочки) [Болдонов, 1949. С. 124, 125].

Бурятская терминология учитывает и различия в способе питания насекомых: *шуһа хородог, хадхадаг шумуулнууд* (‘сосущие, жалящие насекомые’); *мэрэдэг шумуулнууд* (‘грызущие насекомые’).

Согласно народным воззрениям, представителям этого класса присущи разные виды рождения: *ухэн тёрёл (оохэн турэл)* (‘рождение из жира’ – личинки мясных мух); *ногон тёрёл* или *ногоон турэл* (‘рождение из травы’ – гнус, кобылка и др.); *шоро тёрёл* или *шорой турэл* (‘рождение из земли’ – муравьи) [Хангалов, 1959. С. 219].

Сфера обитания как критерий вычленения бурятами классов животного мира в случае с насекомыми не играла особой роли. Образы представителей данного класса, которые обитают и в небе, и в воде, и на земле, не всегда определяются приписываемыми традиционным мировоззрением качествами этих природных сред.

В бурятском языке содержатся имена, омонимичные названиям насекомых, в частности *Буургана* от *буургана* (‘комар’), *Зугэй* от *зугы* (‘пчела’) [Митрошкина, 1987. С. 83]. К их числу можно отнести также имя героя сказки «Бохон-хобун» или «Бооһэн-хубуун» (‘вошь-парень’). Очевидно, такие имена имели охранительный характер, защищая от посягательств нечистой силы.

В контексте рассматриваемой темы следует различать позиции буддизма (в XIX в. укоренившегося в массе бурят Забайкалья, части бурят других субрегионов Юго-Восточной Сибири) и шаманизма. Первый, признавая возможность перерождения души в разных формах жизни, особо призывал своих адептов бережно относиться к насекомым: «Не лишай жизни разные существа, даже такие мелкие, как вша в гнезде. Иначе сократятся твои добродетели и долголетие даже в настоящей жизни» [Галшиев, 2012. С. 107]. Для бурятского шаманизма в меньшей степени была характерна такая экологичность, что накладывало отпечаток на поведение его последователей.

Энтомологические образы в мифологии, фольклоре и языке бурят

Часть насекомых буряты считали связанными с Нижним миром. Полагали, что насекомыми заселены четыре из девяти разновидностей *тама* (ада); по-другому, было семь адов, включая *бооһэнэй тама* (‘вшивый ад’), *сохын тама* (‘жучий ад’), *шоргоолжон тама* (‘му-

равьиный ад'), ад маленьких вшей; жучий ад [Хангалов, 1959. С. 281]. В космогоническом мифе демиург отдает чёрту Шолмо (по Ц. Ж. Жамцарано, именуемому Архан [Жамцарано, 2001. С. 84]) за оказанную помощь в сотворении земной суши – столько земли, сколько поместится под воткнутым колышком. Но из образовавшейся ямы вылезли на белый свет разные гады (черви, жуки, змеи и др.) [Сказания бурят..., 1890. С. 70–71]; по Ц. Ж. Жамцарано это были гнус, мухи и др. вредоносные насекомые – «юһу юһуной» [2001. С. 84]. Добавим, что аналогичный мифический сюжет зафиксирован у других монгольских народов [Потанин, 1883. С. 223]. Гнус, мухи, вши, блохи и жуки относились к хтоническим существам.

В фольклоре бурят указывается и на иное происхождение гнуса (комаров, мошек, слепней) и т. д. В героическом эпосе «Гэсэр» создателями перечисленных выше двукрылых насекомых названы дьявол Гал Нурман и его помощники – «девятьсот желто-синие-черных демонов (чертей)» [Гэсэр, 1986. С. 74]. Последние возникли из шеи поверженного главы восточных небожителей Атай Улаана, чье тело было низвергнуто на землю (в этом сюжете, кстати, можно видеть идею происхождения земной нечисти от падения с небес, отмечаемую, например, у вепсов [Винокурова, 2007. С. 32]. Отличительными чертами поведения таких демонов являются ползание и жужжание – качества, присущие ими созданным существам:

Как черви, ползают,
Как мухи, жужжат,
Свободой пользуясь,
Людям вредят
[Гэсэр, 1986. С. 76].

Образы представителей отряда чешуекрылых (бабочки, мотылька, моли) почти не запечатлены в традиционном мировоззрении бурят. *Хуйр, хибэ(н)* ('моль') определенно являлась мифологическим персонажем с отрицательным значением. Этот домашний вредитель, по поверью предбайкальских бурят, был женой татарина; супруги из-за своей скупости были обращены в клопа и моль [Хангалов, 1960. С. 378–379]. Мотыль, судя по его бурятским названиям – *ноён эрбээхэй* ('начальник-бабочка'), *удаган эрбээхэй* ('шаманка-бабочка'), тоже не воспринимался положительно.

В бурятском языке существуют разные номинации двукрылых насекомых. Это *батаганаан, аляаһан* ('муха'), *хара аляаһан* ('комнатная муха'), *боргоохон, буургана, бургууһан* ('комар'), *бошхо, мухар бошхо, жэжэ боргоохон, илааһан* ('мошка'), *хууханша илааһан* ('мелкая мошка'), *хэдэгэнэ(н), хоно, гуур* ('овод'), *хусэр гэнэй* ('личинка овода').

Помимо наличия крыльев, важнейшим признаком многих из них является способность издавать в полете однообразные звуки (жужжать). Данное их качество нашло отражение в бурятской лексике: *дунгинэмэ* 'жужжащий (комар, муха, пчела)'; *жиияха* (о летящем шмеле), *хииганаа(н)* 'жужжание мух'. Проиллюстрировать сказанное можно загадкой о пчелке, в которой передаются издаваемые этим насекомым звуки: *Бур бур дуутай боро торгон дэгэлтэй, хор хор дуутай хара торгон дэгэлтэй* «Бур-бур поет и в бурую шелковую шубу одет, хор-хор поет и в черную шелковую шубу одет» [Материалы для изучения..., 1911. С. 113].

В эпических произведениях герои нередко оборачивались в указанных выше насекомых: муху [Сказания бурят..., 1890. С. 27]; комара [Айдурай мэргэн, 1979. С. 115]; овода [Сказки бурят..., 1997. С. 27]. Овод и комар имеют в фольклорном материале ярко выраженные отрицательные характеристики. Примером тому является сказочный персонаж – огромный овод, узнавший по поручению владыки подземного мира, что человеческая кровь слаще всего на свете [Бурятские народные сказки..., 2000. С. 91–93] (похожий сюжет был записан Г. Н. Потаниным [1883. С. 183] у дербетов Монголии, только там место овода занимала оса). Гиперболизация как литературный прием также используется применительно к образу комара: в эпосе «Гэсэр» напавшие на младенца Гэсэра комары размером «с откормленную лошадь» [1986. С. 97].

Вероятно, буряты уподобляли овода утке, по крайней мере представляется не случайным обозначение их одним словом *хоно* ('овод, чирок-свиистунок, селезень, утка' [Буряад-ород

толи..., 2010. С. 560]. Добавим, что в бурятской лексике встречаются и другие примеры, когда насекомое и птица имеют общее название: например, *шиигануур* ('навозный жук, жук-носорог, пищуха') [Там же. С. 613].

Буряты особо выделяли комара как кровососущее насекомое, придавая ему образные черты врача-хирурга: *Худаһаа мэдэхэгүй аад, хануураша* («Хоть и не ведаёт, где сосуды, но ланцетом пользуется сполна»). Это его качество подчёркивается и в такой загадке:

*Эмиэ бэишэ аад хануураша,
Номшо бэишэ аад ямбаша*
[Оньһон угэнууд..., 1956. С. 24].
(Не является лекарем, а кровопускатель,
Не богослов, а почитаемый)
(пер. наш. – А. Б.)

Относительно *бооһэн* ('вша') интересна пословица, в которой предвестником появления этого кровососущего паразита назван ворон, по народным воззрениям, наделенный отрицательными качествами; при этом оба животных связываются с наступлением ненастья:

*Боохойн урда хирээ,
Бороогой урда һалхин*
[Оньһон угэнууд..., 1956. С. 13].
(Ворон появляется перед вошью,
Ветер предшествует дождю)
(пер. наш. – А. Б.)

Целый ряд бурятских загадок передает негативную коннотацию образа вши: *Бошхи дээрэ хошки, хошки дээрэ ой, ой соо шоно* («На бочке – кочка, на кочке – лес, в лесу – волк») [Материалы для изучения..., 1911. С. 111]; *Ой соо гахай* («В лесу свинья», т. е. вошь в волосах) [Сборник монголо-бурятской народной поэзии, 1910. С. 122]. Дело в том, что образы волка и свиньи имели у бурят преимущественно отрицательные характеристики.

Наряду с вошью вред людям причиняла *булуудха* ('блоха'), которая, как буряты полагали, была создана чертом Маратом (Шолмосом) для терзания человека [Жамцарано, 2001. С. 108]. Ее отождествляли с ракообразной дафнией – существом, связанным с водной средой: она иносказательно обозначалась как *уһанай булуудха* ('водяная блоха'). Такая ассоциация видится не случайной и базируется, скорее всего, на представлении о ней как образе с отрицательной коннотацией.

О *шоргоолзон* ('муравей') как домашнем покровителе позволяет говорить бытовавшее у предбайкальских бурят представление, согласно которому благополучной является юрта с венцом из дерева, где раньше располагалось муравьиное гнездо. Положительно оценивали и ситуацию, когда под фундаментом жилища селились муравьи [Хангалов, 1960. С. 75].

По мифологическим воззрениям, у муравьев существует иерархия. Считали, что к числу шести мифических царей животного мира принадлежал муравьиный царь Широ-темен-шургалжин-хан (в героическом эпосе «Айдурай мэргэн» он назван «Муравьиный Богдо-хан» [1979. С. 81]). Ниже его, как полагали, был Билтагар-шургалжан, возглавляющий отдельный муравейник [Хангалов, 1960. С. 220].

Муравьев сравнивали с домашним скотом, что находит параллели в других культурах (например, у славян [Гура, 1997. С. 512] и вепсов [Винокурова, 2007. С. 19]). В частности, это выразилось в бурятском названии крупных видов муравьев (красного лесного и черного) – *ухэр шоргоолзон* ('корова-муравей'). Такое суждение прослеживается и в фольклорном тексте:

Когда дальше поехала,
Стада и табуны,
Хана Эжи Мунку,
Подобно муравьям в муравейнике,
Кишмя кишели
[Айдурай мэргэн, 1979. С. 88].

Поскольку у бурят рогатый скот и лошади соотносились с плодородием, то и муравей, вероятно, также нес данную символику.

Бурят восхищала физическая сила муравья, что отразилось в следующей загадке: *Хара болобошье хара шэршуу бэшэ, эбэртэй болобошье сар бэшэ, азарга хултэй болобошье туруугуй* («Черен, но не шелк, с рогами, но не бык, с ногами жеребца, но без копыт» [Болдонов, 1949. С. 122–123]. То же отношение к насекомому обнаруживается и в благопожелании бурят:

Шураг адли олон боложо,
Шургалжан адли хуштэй болооройт!
(Как бусинки, многочисленными станьте,
Как муравьи, сильными станьте!)
[Фольклор..., 1999. С. 123]

С этим насекомым ассоциировалось обладание тонкой талией: *Шоргоолзон адли* («Как муравей» – перехват в талии). О данном признаке муравья говорится и в такой загадке: *Хадаһаа хальтаршагуй, харбаа һаа оногдошогуй, дундуураа таһархай баатар* («Богатырь – в середине тоненький, с горы не скатывается, стреляешь в него – не попадаешь» [Болдонов, 1949. С. 120–121].

В народной медицине известно острое гнойно-некротическое воспаление *шоргоолзон хадьха* (букв. «муравьиный чирей, карбункул»). Вероятно, такое название было дано на почве представления о том, что причиной заболевания является муравьиный укус.

Из числа иных общественных насекомых известны *зугы* ('пчела'), *шаргал зугы* ('желтая пчелка'), *зугын сар* ('рабочая пчелка'); *газар зугы* ('шмель, земляная пчела'), *хубуун зугы* ('трутень'), *шара зугы, хорото шара, хэдэгэнэ(н)* ('оса'); *шара хэдэгэнэ* ('желтый шмель'). Можно предположить, что у бурят образ пчелы соответствовал женскому началу. Подтверждение этому находим в следующей загадке:

Шаралдайские девушки в желто-пестрых платьях,
Харганайские девушки в темно-пестрых платьях
[Там же. С. 122–123].

Хорошей приметой было устройство пчелами гнезда в срубной юрте или в одежде [Хангалов, 1960. С. 74]. Следует отметить, что пчела входила в ограниченный круг животных (ласточка, муравей), чье обитание в бурятском жилище считалось благоприятным для жизни семьи. О положительной коннотации данного насекомого также свидетельствует его восприятие в образе буддийского монаха: *Далан долоон шугуйда Дандар ламайин һуухнайин һанжаатай* («В семидесяти семи рощах с висящим местом, где восседает Дандар лама» – пчелиное дупло) [Жамцарано, 2001. С. 254–255]. В загадке обыгрывается внешнее сходство желтой тоги ламы с основным цветом волос тела пчелы, а монотонное чтение молитв – с гулом, исходящим из пчелиного дупла.

Подобно муравьям, пчелы также отождествлялись с домашним скотом: «У пестрой коровы – вкусное молоко, но острые рога» [Базаров, 1902. С. 24].

Пчела – одно из насекомых (у М. Н. Хангалова есть упоминание еще о жуке, называемом *тархалжин*, которого нам не удалось идентифицировать [Хангалов, 1958. С. 326]), образ которого нашел отражение в шаманской обрядности бурят. Ее изображение известно в наскальных рисунках в священных для шаманистов местах, а также на онгонах Ухин-хат и Зурактан [Там же. С. 326]. Пчела рассматривалась как дух-помощник шамана в его мистических путешествиях.

Определенным антиподом пчеле являлась оса, которую сближали с нечистыми существами – в бурятском фольклоре известен образ представителя нечистой силы *шара хэдэгэнэ* ('исполинская желтая оса'). Когда в жилище или хозяйственных постройках обнаруживалось осиное гнездо, от него старались поскорее избавиться, унося подальше со двора (ПМА: В. Н. Рыгзынова).

Отдельно коснемся вопроса о мотиве души в образе насекомого в бурятской традиции. М. Н. Хангалов первым обратил внимание на то, что у монгольских народов душа воплощалась в пчеле, в отличие от славян, у которых она представлялась в образе бабочки [Хангалов, 1958. С. 394–395]. Кроме того, у бурят имело место противопоставление насекомого-души, демонологических персонажей и людей. В сказке «Тысхэ Бисхэ – сын старика и старухи» душа кровожадного чудовища мангадхая являет собой рой ос, спрятанный в рогах барана [Бурятские волшебные сказки, 1993. С. 159]. Очевидно, боязнь погубить чью-либо душу был продиктован запрет у бурят убивать пчел и ос.

Заключение

В мифоритуальной практике бурят насекомые, в отличие от других классов животных, были представлены мало. Анализ мифологических представлений этноса позволяет вычленишь лишь узкий круг персонажей, которым отдавалось предпочтение. Остальные (гнус, домашние паразиты, муха, жук и др.) по большей части имели хтоническое происхождение. Бабочка, моль, мотыль, пчела, оса, овод и др., согласно трехчастной шаманской картине мира, связывались с Верхним и Средним мирами. Обратим внимание, что в отличие от других классов животных буряты не персонифицировали единого духа-покровителя у насекомых.

Энтомологические образы в ряде случаев наделялись полисемантизмом. Положительной коннотацией обладали муравей и пчела (их позитивные характеристики были связаны с тем, что они считались домашними покровителями и наделялись символикой плодородия), отрицательной – овод, комар, оса, моль, мотыль, клоп, вошь и блоха. Следует также констатировать, что хтоническое происхождение муравья не определяло его конечную коннотацию, а мотив души связывался с противоположными образами пчелы и осы. С насекомыми соотносилась и идея оборотничества. Было характерно уподобление насекомых другим представителям животного мира. Сопоставление выделенной у бурят галереи таких персонажей с известными в этнографической литературе энтомологическими рядами других народов [Гура, 1997. С. 416–526; Винокурова, 2007. С. 30] обнаруживает, что ее основу составляют универсальные и типологические образы. Это объясняется имевшимися в глубоком прошлом межкультурными контактами. Вместе с тем такой вывод не умаляет своеобразия и оригинальности бурятского комплекса представлений о насекомых.

Список литературы

- Айдурай мэргэн. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1979. 127 с.
- Базаров Ш. Л.** Двести загадок агинских бурят // Тр. КОПОИРГО. 1902. Т. 5, вып. 1. С. 22–34.
- Болдонов Н. С.** Загадки бурят-монголов: Из старинного сборника Харбасарова // Сборник трудов по филологии. Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. С. 120–125.
- Бурятские волшебные сказки // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 1993. Т. 5. 341 с.
- Бурятские народные сказки: О животных. Бытовые // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, 2000. Т. 20. 304 с.
- Винокурова И. Ю.** Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007. 46 с.
- Галшиев Э.-Х.** Бэлигэй толи. Зерцало мудрости. Улан-Удэ: НоваПринт, 2012. 228 с.
- Гура А. В.** Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с.
- Гэсэр. Бурятский народный героический эпос. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1986. Т. 1. 288 с.
- Жамцарано Ц. Ж.** Путевые дневники 1903–1907 гг. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.

- Материалы для изучения бурятской народной словесности и языка // Изв. ВСОИРГО. 1911. Т. 42. С. 111–136.
- Митрошкина А. Г.** Бурятская антропонимия. Новосибирск: Наука, 1987. 222 с.
- Потанин Г. Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг. по поручению Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Тип. В. Киришбаума, 1883. Вып. 2: Материалы этнографические. 1026 с.
- Сборник монголо-бурятской народной поэзии. СПб., 1910. Вып. 1. 37 с.
- Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. 1890. Т. 1, вып. 2. 160 с.
- Сказки бурят Монголии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 122 с.
- Фольклор Курумчинской долины. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 136 с.
- Хангалов М. Н.** Собр. соч. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. Т. 1. 551 с.; 1959. Т. 2. 444 с.; 1960. Т. 3. 421 с.
- Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Изд-во «Республиканская типография», 2010. Т. 2: О–Я. 708 с.
- Онъһон угэнууд, таабаринууд. Улан-Удэ: Бурят-монголой номой хэблэл, 1956. 40 с. (на бурят. яз.)

Полевые материалы автора

Рыгзынова В. Н., 1947 г. р., г. Гусиноозерск (Республика Бурятия). Дата записи – август 2018 г.

References

- Aidurai mergen. Ulan-Ude, Buryat Book Publ., 1979, 127 p. (in Russ.)
- Bazarov Sh. L.** Dvesti zagadok aginskikh buryat [Two hundred mysteries of the Aghin Buryats]. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Labours of Troitskosavsk-Kyakhtinsky Branch of the Amur Department of the Imperial Russian Geographical Society]*, 1902, vol. 5, iss. 1, p. 22–34. (in Russ.)
- Boldonov N. S.** Zagadki buryat-mongolov: iz starinnogo sbornika Kharbasarova [Mysteries of the Buryat-Mongols: From an Old Collection of Kharbasarov]. In: *Sbornik trudov po filologii Collection of Works on Philology*. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Book Publ., 1949, p. 120–125. (in Buryat, Russ.)
- Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. Ulan-Ude, Republican printing house, 2010, vol. 2, 708 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie narodnye skazki: O zivotnykh. Bytovye [Buryat Folk Tales: About Animals. Domestic Fairy Tales]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk, Nauka, 2000, vol. 20, 304 p. (in Buryat, Russ.)
- Buryatskie volshebnye skazki [Buryat Fairy Tales]. In: *Pamyatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka [Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]*. Novosibirsk, Nauka, 1993, vol. 5, 341 p. (in Buryat, Russ.)
- Fol'klor Kurumchinskoi doliny [Folklore of Kurumkansky Valley]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1999, 136 p. (in Russ.)
- Galshiev E.-Kh.** Beligei toli. Zertsalo mudrosti [A Mirror of Wisdom]. Ulan-Ude, NovaPrint, 2012, 228 p. (in Russ.)
- Geser. Buryatskii narodnyi geroicheskiy epos [Geser. Buryat National Heroic Epic]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1986, vol. 1, 288 p. (in Russ.)
- Gura A. V.** Simvolika zivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii [Animal Symbolism in Slavic Folk Tradition]. Moscow, Indrik Publ., 1997, 912 p. (in Russ.)
- Khangalov M. N.** Sbranie sochinenii [A Collection of Works]. Ulan-Ude, Buryat book Publ., 1958, vol. 1, 551 p.; 1959, vol. 2, 444 p.; 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.)

- Materialy dlya izucheniya buryatskoi narodnoi slovesnosti i yazyka [Materials for the Study of Buryat Folk Literature and Language]. *Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [News of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1911, vol. 42, p. 111–136. (in Russ.)
- Mitroshkina A. G.** Buryatskaya antroponimiya [The Buryat Anthroponymy]. Novosibirsk, Nauka, 1987, 222 p. (in Russ.)
- On'hon ygenuud, taabarinuud [Proverbs, Riddles]. Ulan-Ude, Buryat-Mongolian Book Publ., 1956, 40 p. (in Buryat)
- Potanin G. N.** Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1867–1877 gg. po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva [Sketches of North-Western Mongolia: Results of a Journey Performed in 1867–1877, on Behalf of the Imperial Russian Geographical Society]. St. Petersburg, Typography V. Kirshbaum Publ., 1883, iss. 4, 1029 p. (in Russ.)
- Sbornik mongolo-buryatskoi narodnoi poezii [Collection of Mongol-Buryat Folk Poetry]. St. Petersburg, 1910, iss. 1, 37 p. (in Russ.)
- Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami [Buryat Legends Recorded by Different Collectors]. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Notes of the East Siberian Branch of the Imperial Russian Geographical Society], 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.)
- Skazki buryat Mongolii [Tales of the Buryats of Mongolia]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 1997, 122 p. (in Russ.)
- Vinokurova I. Yu.** Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii) [Animals in the Traditional Worldview of the Veps (Experience of Reconstruction)]. Dr. Hist. Sci. Syn. Diss. St. Petersburg, 2007, 46 p. (in Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh.** Putevye dnevniki 1903–1907 gg. [Travel Diaries 1903–1907]. Ulan-Ude, BSTS SB RAS Publ., 2001, 382 p. (in Russ.)

Author's Field Materials

Rygzynova V. N., born in 1947, Gusinoozersk (Republic of Buryatia). Recorded Date – August 2018.

Материал поступил в редколлегия
Received
12.01.2020

Сведения об авторе

Бадмаев Андрей Андреевич, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН (пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия)
badmaevaa@ngs.ru
ORCID 0000-0002-9525-4366

Information about the Author

Andrew A. Badmaev, Doctor of History, Senior Researcher of Institute of Archaeology and Ethnography of the Russian Academy of Sciences (17 Academician Lavrentiev Ave., Novosibirsk, 630090, Russian Federation)
badmaevaa@ngs.ru
ORCID 0000-0002-9525-4366